

КОНЦЕПЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена исследованию основных направлений и перспектив развития художественной системы постмодернизма в русской литературе начала XXI века. Рассматриваются рецепция и экстраполяция творчества Ф.Достоевского в художественные тексты современности.

Ключевые слова: *архитектоника, жанр, метареализм, постмодернизм, парадигма, неосентиментализм, рецепция, феномен, экстраполяция.*

Сейчас, в начале XXI века, возникает удивительный феномен, который может изменить некоторые научно-художественные и религиозно-духовные векторы нашего времени. Своеобразие этого феномена заключается в принятии современным человеком постоянной смены научно-технических, культурологических, художественных парадигм как постоянства более высокого уровня и интерес и открытость к новому креативному синтезу науки, религии, искусства. Мы, конечно, понимаем, что этот феномен связан с научно-культурным переворотом и со сменой поколений. Именно молодые, воспринимающие новые парадигмы как данность, смогут полностью раскрыть их потенциал.

Культурный переворот, связанный и со сменой поколений и с технократическими революциями, – многосложный эволюционный процесс. Это и распад, и развитие, и новообразование. И как поведет себя в социуме рубежа XX–XXI веков художественная литература? В этом XXI веке, веке высокоскоростных коммуникационных инфраструктур, позволяющих человеку в принципиально новом режиме приобретать знания, развлечения, интимное и деловое общение.

Постмодернистская эпоха задает новые правила игры для художественной литературы, как для самих писателей, так и для их литературных героев. Динамика темпа социально-интеллектуальных изменений такова, что сегодня уже достаточно 10 лет, чтобы ощутить серьезную разницу в жизни поколений.

Неизмеримое преимущество тех, у кого, образно выражаясь, «информация на кончиках пальцев», ощущается уже во многих видах человеческой деятельности, в том числе и в художественной литературе.

Писатели и герои их произведений зачастую входят в одну обойму пользователей Интернет, все чаще появляются литературные герои, желающие «нырнуть» с головой во «всемирную паутину». Приведем характерный пример – фантастико-утопические романы С.Лукьяненко «Лабиринт отражений» и «Фальшивые зеркала». В этих романах описывается практически решаемая научная задача: достижение полной идентичности между реальным героем и его виртуальным отражением во всемирной сети. Для достижения такой тождественности достаточно надеть виртуальный шлем, дотронуться до клавиатуры и уйти в виртуальный мир. В виртуальном пространстве с завораживающей легкостью и

быстротой происходит «вживание» в мир экстремальных событий, появляются настоящие друзья и враги, становится возможной встреча с любовью, почти тождественной настоящей, человеческой. И эта любовь может быть первой, может быть последней: все зависит от желания пользователя, все моделируется, все возможно.

Действительно, у литературоведов вызывает опасение явное ослабление в современной литературе той линии духовного напряжения, которое было свойственно писателям предыдущих веков, сочетавших в своем творчестве особые прозрения и художественные открытия, глубину и содержательность, и главное, трансцендентную устремленность к нравственным смыслам бытия. Видимо, прав писатель Виктор Ерофеев, считающий, что современная русская литература перестала быть «учебником жизни», истиной в последней инстанции. Художественная литература из «учебника жизни» на наших глазах превращается в своеобразную экспериментальную лабораторию, стремящуюся поспеть за быстро изменяющимся, глобализирующимся миром. В своем развитии современная литература ищет новые, специфические формы самовыражения, она не стоит на месте. И вполне вероятно, что спустя несколько десятилетий те формы и явления, которые сегодня считаются новаторскими, станут традиционными. И некоторые из тех произведений, о которых мы ведем речь в этой книге, перестанут называться современными и, может быть, перейдут в разряд классических. Литературный пейзаж начала XXI века быстро меняется, стремясь за неумолимо бегущим временем. Писатели, освобождаясь от жанровых, эстетических, идеологических стандартов и штампов, создают новую модель мира, показывают новых героев, которых рождает сегодняшнее время. В связи с этим новейшая русская литература представляет собой динамично и творчески развивающуюся художественную систему направлений, стилей, жанров... В одном универсальном потоке переплелись и реалистическая проза (А.Солженицын, В.Распутин, В.Астафьев, Г.Вадимов...), и постмодернизм с его различными ответвлениями: шизоаналитическим (В.Ерофеев, Ю.Мамлеев, В.Сорокин...), меланхолическим (Ю.Буйда, В.Шаров, М.Шишкин), лиро-философским (С. Соколов, Д.Галковский), феминистическим (Л.Петрушевская, Н.Садур). На рубеже веков литературоведы отмечают и такой художественный феномен, как «усталость» и «исчерпанность» постмодернизма и появление неосентиментализма (Л.Улицкая, Г.Щербакова, В.Токарева), нового реализма (Т.Толстая, А.Нейман), трансметареализма (В.Маканин, О.Ермаков, Д.Бакин) [1; 2; 3].

Литература начала XXI века характеризуется все более явным отходом от строгих жанровых канонов, читатель все чаще сталкивается с весьма своеобразными модификациями такого популярного жанра, как роман. Проверенные столетиями, традиционные формы романа кажутся современным писателям неадекватными новому времени – времени постмодернизма. И в современной русской литературе появляются экспериментальные, нетрадиционные формы.

Роман – компьютерная игра «Шлем ужаса» (2005 г.) В.Пелевина, созданный в форме интернет-чата, где герой произведения модифицирует известный античный миф о Тесее и Минотавре. Роман-fusion «Одиночество 12» (2005 г.) А.Резазова, в котором автор попытался создать сплав (от fusion – сплав) из самых разных жанровых форм: детектива, блок-бастера, мистического триллера, документального очерка, сказки. Роман-конспект «Элизиум теней, или Сны о чем-то большем» (2005 г.) Н.Якиччука, в котором моделиру-

ется и конспектируется ушедшее время России и воскрешаются “тени великих писателей”: И.С.Тургенева, И.А.Бунина, Л.Н.Андреева, К.Д.Бальмонта и др.

В романе-хайку “Снежные люди” (2003 г.) П.Чухов в яркой метафорической форме рассказывает об извилистом, сложном пути становления личности молодого солдата, столкнувшегося и с любовью, и с дружбой, и с верностью, и с предательством. Очень лаконичный текст этого романа обрамлен своеобразной рамкой из 10 японских трехстиший – хайку, в которых заключен код судьбы главного героя произведения. Оригинальной модификацией романной формы явился роман-фуга “Сад наслаждений” (2004 г.) Л.Елистратовой. Композиционные особенности фуги – одной из основных музыкальных форм многоголосия, высшей формы полифонии – своеобразно использованы писательницей в прозаическом литературном жанре, где гармонично и плавно (с элементами импровизации) переплетаются мифологические, искусствоведческие, исторические, литературоведческие сюжеты и темы. Отражение жизни человеческого социума глазами обладающих разумом насекомых происходит в романе-гротеске В.Пелевина “Жизнь насекомых” (1995). Специфика жанра романа-гротеска, гротескные формы художественных образов (насекомые показаны как люди, “человеко-насекомые”) синтезируют гротескно-образную, мифологически-пародийную модель бытия. Жанровый феномен этого произведения В.Пелевина не мог не вызвать живого интереса и полемики в среде литературоведов [4; 5; 6; 7]. Не означает ли появление подобных романов модификацию “генетического кода” жанра, его окаменевшей архитектоники, в связи с изменением духовно-культурных ориентиров глобализирующегося общества? Эта постоянно изменяющаяся форма подачи художественного материала привлекает внимание ряда исследователей [8; 9; 10].

Не нужно обладать слишком развитым воображением, чтобы осознать: глобализирующаяся действительность разрушает многие естественные связи между людьми и диктует новые культурные, экономические, этико-социальные и эстетические нормы. Этот процесс убедительно показал Зигмунт Бауман в своей новой книге “Текучая современность”, которая может служить образцом аналитической социологии. Прослеживая человеческие отношения в мире постмодерна, автор резюмирует: жестокая конкурентность социального бытия приводит к тому, что человек чувствует себя “предметом одноразового пользования”, несмотря на колоссальные усилия быть личностью. А “ненадежные экономические и социальные условия учат людей (или заставляют их изучать трудный способ) воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая людей” [11, 175].

Так не являются ли эти новоявленные формы романа своеобразной одноразовой упаковкой для быстро меняющегося содержания нашей современности? И сверхзадачей писателя становится стремление любой ценой зафиксировать неумолимо бегущее время эпохи постмодернити, его главных героев, нарушающих и ломающих все границы, рамки и условности.

Современная художественная литература, оперируя специфическими формами мышления, создает новые концептуальные модели мира и человека. В литературоведении XX–XXI вв. для определения подобных художественных феноменов появляется новое понятие – метароман.

Наиболее ярким проявлением жанрового канона метаромана XX–XXI веков являются произведения К.Кастанеды, П.Козльо, Ю.Мисимы, В.Набокова, М.Булгакова, В.Пелевина, А.Битова, Ю.Кима, М.Павича и др.

Тенденция гармонизировать социум и личность прослеживается в ряде произведений новейшей прозы: в творчестве Л.Улицкой (“Искренне Ваш Шурик”), А.Мелихова (“В долине блаженных”), В.Якушева (“Февраль”), О.Зайончковского (“Петрович”), М.Тарковского (“Енисей, отпусти”) и др.

Как справедливо отмечают исследователи, “в литературе последних лет о современности действительно происходят существенные сдвиги в концепции человека, имеющие характер тенденций к восстановлению его целостного, глубокого, часто героического и экзистенциального статуса” [12, 60].

Тревогой за судьбу России проникнуты романы-антиутопии Т.Толстой “Кысь”, В.Войновича “Москва 2042”, Л.Петрушевской “Новые Робинзоны”, О.Славниковой “2017”, Д.Быкова “ЖД”, В.Сорокина “День опричника”. В них варьируются различные исторические модели существования России в будущем, ее миссия в духовном развитии человечества.

Надежда, исторический взлет, регресс, тупик, катастрофа – все футурологические прогнозы в этих произведениях рассматриваются с высокой, мистической точки зрения. В этих разных по стилю и жанру произведениях (дистопия, гротеск, утопия) описываются переживания бессмертной человеческой души, связывающей земную жизнь с сакральным, горним миром. Здесь отражена тоска умудренного горьким историческим опытом писателя XXI века по нескомпрометированному, позитивному пути общественного развития. И есть ли такой путь для России, и пойдет ли она по такому пути?

Особенно широко писатели рубежа XX–XXI вв. используют художественные модели Ф.М.Достоевского при создании собственных текстов, что вызвано актуальностью творчества именно этого писателя в нашем социуме.

В своей рецепции и экстраполяции творчества Достоевского они ориентируются на его произведения как на метатекст, несущий в себе ответы на основные вопросы современности. Так, Ю.Мамлеев стремится выстроить свою шкалу художественных и духовных ценностей, базируясь на религиозно-философских аспектах наследия своего великого предшественника.

Дискурс Ф.М.Достоевского весьма ощутим в философско-публицистическом («Россия Вечная») и в художественном творчестве (романы «Блуждающее время», «Мир и хохот») Ю.Мамлеева. В книге «Россия Вечная» Ю.В.Мамлеев, как и Ф.М.Достоевский, мучительно трудно решает такие вечные для России проблемы: судьба России, ее место и роль в мировом сообществе, проблемы Добра и Зла, формы насилия человека над человеком. Мамлеев точно объясняет, почему пророческое творчество Достоевского так актуально сейчас. Автор «России Вечной» пишет: «Достоевский, конечно, не мог предвидеть, например, какова будет русская идея через двести-триста лет (после его смерти), но незадолго до нее он пророчески говорил: «Будущая самостоятельная русская идея у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно, и в страшных муках готовится родить ее» [13, 38].

Рецепция творческого наследия Достоевского в романе «Блуждающее время» базируется на знаковых произведениях писателя: «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы». Рецепция включает цитирование, аллюзии, реминисценции, сюжетные линии, систему персонажей, стиль и другие компоненты творчества Достоевского. Но главное, на наш взгляд, Ю.Мамлеев транспортирует в художественное про-

странство своего текста концептуальные идеи, волновавшие Ф.М.Достоевского всю его творческую жизнь.

В свете рассматриваемой проблемы особенно интересна интертекстуальная связь романа Ю. В.Мамлеева с романами Ф.М.Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы», где поднимается проблема свободы человеческой личности как самого сокровенного божественного дара, посягать на который преступно.

Отнять у человечества свободу личности и свободу творчества, подчинить его воле сильных мира сего – вот основная задача Великого инквизитора в романе «Братья Карамазовы»: «Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и конечно крепко», – констатирует он [14, 229].

В романе Мамлеева выразителем идей Великого инквизитора является один из главных героев Крушув: «Идея у нас такая, чтобы никаких идей у человечества больше не было. Потому что от идей все зло. Поэты, пророки, писатели, мессии, святые и так далее – наши враги» [13, 96].

Как совпадают эти монологи «учителей человечества», хотя они и провозглашены в различные культурософские эпохи!

Тезисы Великого инквизитора: «У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга... О, мы убедим их, что они только тогда и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [14, 235] предельно близки взглядам главного персонажа «Блуждающего времени» Крушуву, мечтающего о подавлении человека и его обезличивании. Этот персонаж всеми силами приближает время, когда в России наконец-то все будет «спокойно, глупо и тихо. Жрут, пьют, сладострастничают – это пожалуйста. В телевизор глядят – это еще лучше» [15, 97]. Он даже поднимает тост за такое ошастливленное им человечество: «Хряпнем за человечество, чтоб спокойно всем жилось без всяких ... Достоевских и прочих» [15, С.101]. Пусть даже в пещере без выхода, «но жить в ней будет сладко, жирно, безопасно» [15, 97].

А для того, чтобы мысли о непреходящей ценности свободы личности и творчества не смущали людей, Крушув предлагает для верности всех одаренных, гениальных людей «раздавить еще в колыбели». И здесь мы отчетливо чувствуем, что мотивы и образы Достоевского почти не изменяются в пространстве мамлеевского текста. Стоит только вспомнить слова Петра Верховенского, обращенные к Ставрогину: «...мы всякого гения потушим в младенчестве», слова, может быть, самые страшные и пророческие во всем тексте романа «Бесы».

Если в произведениях Мамлеева происходит в основном художественная рецепция творчества Ф.Достоевского, то у Д.Галковского просматривается синтез художественной и культурологической рецепции русского классика XIX века.

Рецепция творчества Достоевского, осуществленная в паралитературном произведении Д. Галковского «Бесконечный тупик», – явление специфическое и уникальное для русской литературы рубежа XX–XXI веков, а может быть, и для всей мировой литературы. Напомним, что паралитературное произведение – это синтез художественного и нехудожественного текстов, наполненный не только литературными, но и историческими, философскими, литературоведческими, социологическими, психологическими и другими научными дискурсами. Однако в паралитературном произведении предполагается наличие хотя бы одного ведущего художественного персонажа, который своим присутствием

структурировал бы текст. В “Бесконечном тупике” таким героем является Одинок, воплотивший в себе собирательные, характерные черты ряда персонажей Ф.Достоевского. Именно от его лица ведется повествование, делаются порой парадоксальные литературоведческие, философские, исторические выводы и комментарии – постмодернистская эпоха имеет свои правила литературной игры.

В своем романе Д.Е.Галковский рассматривает не только творчество Ф.М.Достоевского, но и особенности развития русской религиозно-философской мысли в лице В.С.Соловьева, В.В.Розанова, К.Н.Леонтьева, анализирует историю России последних столетий, определяет влияние Достоевского на дальнейшее развитие русской литературы, особенно на творчество В.В.Набокова и А.И.Солженицына, – крупнейших писателей XX века.

Писатели-постмодернисты включают творчество и личность Достоевского в контекст русской культуры и литературы, стремясь определить значение его метатекстов в формировании современной культурологической парадигмы.

С этой же целью происходит рецепция творчества Достоевского в произведениях В.Ерофеева. Полная антидуховность и безнравственность современного социума (то, о чем предупреждал Достоевский) показана в романе В.Ерофеева с символическим названием «Страшный суд». И Достоевский и Ерофеев абсолютно верят в неизбежность страшного суда, описанного в Апокалипсисе. Однако, по мнению Ерофеева, это не скоротечный, одномоментный, а длительный процесс.

Страшный суд уже наступил и в этом состоянии человечество, или, по крайней мере, Россия пребывает на протяжении всего XX века и, этот тяжкий путь вслед за Достоевским показал другой великий русский писатель – А.И.Солженицын в десятитомном романе-эпопее «Красное Колесо». Красное Колесо в эпопее – это художественно-обобщенный символ войны, революций, символ огромных социально-политических и нравственных коллизий, изменивших судьбы миллионов людей и миллионы людей погубивших. Красное Колесо трагического периода развития истории России, ее страшного суда подминает все на своем пути, затрагивает всех: и тех, кто стоит на дороге, и тех, кто затаился в стороне, в потаенном месте, – для Красного Колеса нет потаенных мест.

Из внутреннего содержания романа-эпопеи «Красное Колесо» выкристаллизовывается и метазадача произведения: показать в художественной структуре «Красного Колеса» встречный диалог русской художественной, религиозной, философской, научной мысли во времени и пространстве русской и общечеловеческой культуры. Это диалог о нравственности и духовности, основы которых были открыты еще в Нагорной проповеди и к которым возвращает нас в своем произведении А.Солженицын, возводя их в ранг нравственного императива общечеловеческого развития и спасения.

Транспонируя художественные образы и концептуальные идеи Ф.М.Достоевского в структуру своих текстов, современные писатели: Ю.Буйда «Желтый дом», Д.Галковский «Бесконечный тупик», З.Зиник «Встреча с оригиналом», В.Ерофеев «Страшный суд», Ю.Мамлеев «Блуждающее время», «Мир и хохот», В.Пелевин «Числа», В. Сорокин «Голубое сало» и др. – ставят перед собой вполне определенные задачи.

Во-первых, обогащают семантическое концептуальное пространство своих произведений своеобразным «кодом Достоевского».

Во-вторых, многоаспектно интерпретируя творчество Достоевского, создают художественные тексты, обладающие собственной оригинальной архитектурой и отражающие маркеры общества с постмодернистской доминантой.

В-третьих, ориентируются на его произведения как на метатекст, заключающий в себе ответы на актуальные проблемы современности. Тем самым актуализируют творчество великого писателя XIX века в пространстве новой цивилизации XXI века.

Таким образом, творческое наследие Достоевского явилось знаковой метамоделью в формировании современной концепции бытия для ряда русских писателей рубежа тысячелетий. И девятый вал глобализации, захлестнувший в настоящее время нашу культуру, не сокрушил духовных основ творческого наследия русского классика, которого Н.Бердяев назвал “метафизиком человеческого духа”.

Ключевая для русской литературы проблема поиска героя своего времени не теряет актуальности и сегодня. Естественно, новый век существенно трансформирует шкалу духовно-культурных и социально-экономических ценностей, а вместе с этим меняется и тип и концепция литературного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скоропанова И.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – Минск, 2000.
2. *Маньковская Н.* Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.
3. *Шевченко Л.* Русская проза трех последних десятилетий (70–90 годы XX века). – Kielce, 2002.
4. *Маркова Т.* Современная проза: конструкция и смысл (В.Маканин, Л.Петрушевская, В.Пелевин): Монография. – М.: Из-во Моск. Гос. обл. ун-та, 2003.
5. *Генис А.* Фотография души: в окрестностях филологического романа // Звезда. – 2000. – № 9.
6. *Невярович Н.Ю.* Инсектарий В. Пелевина: Метаморфозы и циклы бытия в романе-гротеске “Жизнь насекомых”// Русская литература. Исследования: Сб. науч. трудов / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Ин-т лит-ры им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 2007. – Вып. 11.
7. *Нефагина Г.* Русская проза конца XX века: Учеб. пособие. – М.: -Флинта-Наука, 2005.
8. *Карцева З.И.* О “странностях” жанра: роман и время (на материале болгарской и русской прозы)// Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2006. – №4.
9. *Иванова Н.* По ту сторону вымысла// Знамя. – 2005. – №11.
10. *Батов М.* Книжная полка// Новый мир. – 2005. – №2.
11. *Бауман З.* Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
12. *Мережинская А.Ю.* Модели героев в прозе 2000-х годов о современности // Русская литература. Исследования: Сб. науч. трудов/ Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Ин-т лит-ры им. Т.Г. Шевченко. – К., 2006. – Вып. 10.
13. *Мамлеев Ю.В.* Россия Вечная. – М.: АИФ-ПРИНТ, 2002.
14. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т.– Л.: Наука, 1972–1989. – Т. 14.
15. *Мамлеев Ю.В.* Блуждающее время. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001.

Клеофастова Т.В., д.ф.н., проф.
КНЛУ, Київ

КОНЦЕПЦІЯ ЛІТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ ЕПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Стаття присвячена дослідженню основних напрямків та перспектив розвитку художньої системи постмодернізму в російській літературі початку ХХІ століття. Розглядаються рецепція і екстраполяція творчості Ф. Достоевського у художні тексти сучасності.

Ключові слова: архітектоніка, жанр, метареалізм, постмодернізм, парадигма, неосентименталізм, рецепція, феномен, екстраполяція.

Kleofastova T.V., prof.
KNLU, Kiev

THE RECEPTION AND EXTRAPOLATION OF THE LITERARY WORKS BY F. DOSTOYEVSKY TO CONTEMPORARY LITERARY TEXTS

The article is devoted to the study of the trends and development prospects of the art system of postmodernism in the Russian literature of the early 21st century. The author focuses on the reception and extrapolation of the literary works by F. Dostoyevsky to contemporary literary texts.

Key words: architectonics, genre, meta-realism, postmodernism, meta-text, paradigm, neo-sentimentalism, reception, phenomenon, extrapolation.

УДК 821.10.03
Mikadze M., prof.

EMOTIONAL STATE IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

The primary motive for learning a language is that it provides a means of communication [Littlewood, W. 1996.: 53]. The ever-growing need for good communication skills in English has created a huge demand of English teaching around the world. Millions of people today want to improve their skills in English. Opportunities to learn English are provided in many different ways such as through formal instruction, study abroad, as well as through the media and the internet. The world-wide need for English has created an enormous demand for quality language teaching materials and recourses. Learners want to be able to master English to a high level of accuracy and fluency. Employers too insist that their employees have good English language skills, and fluency in English is a prerequisite for success and advancement in many fields of employment in today's world. The demand for an appropriate teaching methodology is therefore as strong as ever.

The full name of the Communicative Approach is "The Communicative-Adaptive approach." This highlights the two most distinctive features of the CA: first, that it is a new way

© Mikadze M., 2014